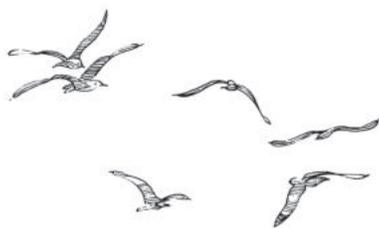

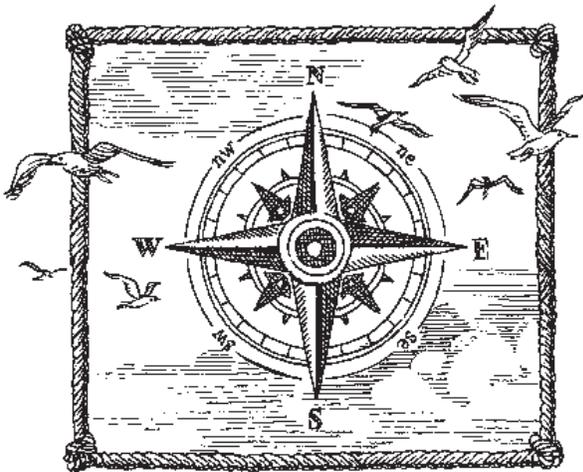

*Моему отцу, главстаршине
Тихоокеанского флота
Геласимову В.А.,
посвящается*

*Автор выражает глубокую признательность
Треушникову А. М., без которого эта книга
могла и не появиться*

Часть первая

1 глава

Он заметил ее практически сразу. Эту девушку трудно было не заметить. Все остальные дамы едва протискивались между кресел в своих модных кринолинах, а она скользила по оживленному партеру, как рыбка. Платье свое она, очевидно, позаимствовала у бабушки. Невельской помнил эти наивные прямые линии с тех самых пор, когда жив был еще отец и когда в Дракино по семейным праздникам съезжалась родня со всего уезда. Мужчины — в морских мундирах, а дамы — вот в таких старомодных уже тогда платьях. Новшества с широкими юбками и корсетами из Петербурга до Костромской губернии доходили неспешно.

Несмотря на то, что в театре, как, разумеется, и во всем городе, царил южный тип красоты, незнакомка выделялась даже на этом фоне. Она была похожа на тех полудиких берберских красавиц в алжирском порту, на которых лихие русские мичманы с «Ингерманланда» заворачивали головы до хруста в шейных позвонках. Об этих дикарях еще в Неаполе офицеров средиземноморского отряда предупреждал русский посланник. Он уверял, что сами себя они называют «амазиги» и что, скорее всего, имя это происходит от легендарных амазонок. Правда это или же нет — проверить не было никакой возможности, однако после стоянки в Алжире на корвете «Менелай» недосчитались трех нижних чинов, а с «Князя Варшавского» пропал гардемарин.

Сам Невельской, невзирая на свой тридцатитрехлетний возраст, в этом отношении пока еще как бы дремал. Его положение при вице-адмирале и особая роль на флагманском судне тоже не предполагали никаких излишеств такого рода, но и без того корабли для него были понятней, красивей и даже в определенном смысле женственней многих знакомых ему дам. Девушки, существа изящные и хрупкие, как фарфор, всякий раз приводили его в замешательство, словно заставляли врасплох. Он беспokoился в их присутствии тем растерянным беспокойством, которое охватит, наверное, обыкновенного, неискушенного в тонком искусстве человека, если ему вдруг вручить старинную китайскую вазу с просьбой поддержать некоторое время на весу, да еще при этом сообщив ее цену. Впрочем, сам факт подобного беспокойства говорил в пользу того, что положение дремлющего в данной сфере у Невельского должно было непременно и благополучно пройти.

Незнакомка, фраппировавшая в этот вечер Лиссабонский театр, не носила на голове и груди россыпи золотых монет наподобие роковых красоток с севера Африки, но дерзким взглядом темных маслянистых глаз очень выдавала свое дикое и не совсем уместное в опере желание быть амазонкой. Некая манерная дама в антракте попыталась выйти в буфет и застряла в дверном проеме из-за своих неимоверно широких и, очевидно, еще непривычных для нее юбок. Сопровождавший даму господин в сером фраке заметно растерялся, ибо не мог дотянуться до ее руки без того, чтобы не вторгнуться в суверенное дамское пространство, и тогда дикарка в нелепом старинном платье просто толкнула пунцовую от смущения модницу в спину, выбив ее в коридор, как пробку из узкого горла шампанской бутылки.

— Какова?! — негромко сказал Невельскому сидевший рядом с ним молодой, если не сказать юный, офицер.

— Музыка, Ваше Императорское Высочество? Я в этом мало что понимаю.

— Да-да, — усмехнулся его собеседник. — Именно музыка.

Оперу Невельской не любил. В бытность гардемарином всегда сказывался больным, если Морской корпус выводили в театр. Его угнетали помпезность интерьеров и необходимость неподвижно сидеть, скучая от всего, что происходит на сцене. Он совершенно не понимал, для чего толстым и некрасивым людям нужно ходить из кулисы в кулису с накрашенными лицами, громко при этом крича и размахивая руками. Если бы не амазонка в старомодном платье, за которой он продолжал теперь наблюдать из своего кресла, после того как снова поднялся занавес, этот вечер грозил обернуться для него жуткой скукой и затекшей, словно после тяжелой вахты, спиной. Даже когда в зале разразилась буря восторга во время хора каких-то закованных в цепи оборванцев, Невельской смотрел на девушку, а не на сцену. В отличие от всех остальных дам в театре, она была здесь одна. Кресло рядом с амазонкою пустовало.

— С ней никого, Геннадий Иванович, — внезапно как-то очень по-детски шепнул ерзавший рядом с ним офицер.

— Вы бы оперой наслаждались, Ваше Императорское Высочество. Идея, между прочим, ваша была.

Но великий князь Константин¹, за которого Невельской вот уже почти десять лет отвечал перед адмиралом

¹ Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) — сын императора Николая I. Младший брат императора Александра II. Выдающийся государственный деятель. Совершил около 50 морских экспедиций. Воспитанник Геннадия Невельского.

Литке¹ собственной головой, на сцену смотрел все реже. Взгляды обоих офицеров, подобно взглядам двух внимательных канониров, словно прикидывали расстояние и траекторию до цели, нащупывая в ее борту уязвимое место. Девушка наконец ощутила это внимание, и голова ее, слегка вздрогнув, повернулась в их сторону. Константин, которому полгода назад исполнилось восемнадцать и который во взглядах ровесниц привык видеть лишь смиренное почтение, наткнулся вдруг на такую насмешливость и такой вызов, что у него перехватило дыхание. Дикарка смотрела на него ровно и прямо, как будто они были не в театре, а встретились неожиданно где-то в лесу, выйдя с разных сторон на залитый солнцем просвет между деревьями. Сидевший на пересечении их взглядов пожилой мужчина с густыми длинными бакенбардами обернулся и осуждающе покачал головой, но Константин лишь слегка отклонился влево, чтобы бакенбарды не заслоняли ему насмешливый взгляд амазонки.

— Опера, Константин Николаевич, — негромко сказал Невельской. — Мы пришли слушать оперу...

На сцене тем временем завязалась возня с протяжными воплями — оборванцы в цепях вырвались на свободу и мутузили теперь почем зря бывших своих порабитителей. Однако и это оживление было не в силах отвлечь юношу. Он продолжал переглядываться с амазонкой, которая демонстративно развернулась к нему всем корпусом, явно не желая уступать в этой игре.

¹ Литке Федор Петрович (1797–1882) — мореплаватель, дважды обогнувший земной шар, исследователь Восточной Арктики, адмирал, президент Петербургской академии наук, один из основоположников Русского географического общества.

Невельской обвел взглядом партер, а следом за ним — ложи. Никто, кроме старика с бакенбардами, казалось, не обращал внимания на юного русского офицера и странную девушку. Все были поглощены шумной возней на сцене. Облегченно вздохнув, Невельской откинулся в кресле и прикрыл глаза. Театр с его многоярусными балконами напомнил ему линейный корабль. Это успокаивало, убаюкивало, и даже громкая музыка стала звучать как-то понятней. Мерцающие в полутьме фонари, обрамлявшие королевскую ложу, вызывали в памяти сигнальные огни на корме «Ингерманланда», и от этого Невельской почувствовал себя отчасти как дома.

Впрочем, уже в следующее мгновение он вспомнил о предшественнике нынешнего линкора и помрачнел. Предыдущий корабль с этим именем был спущен на воду всего три года назад, но разбился на скалах у берегов Норвегии в первый же свой поход. Выйдя из верфи в Архангельске, он не дошел даже до Кронштадта. За те сутки, что его полузатонувший остов мотало штормом в пятнадцати милях от норвежского берега, из девятисот человек команды и пассажиров погибло почти четыреста. Среди погибших оказались едва не все находившиеся на борту женщины и дети. По рассказам выживших, многие из несчастных от отчаяния, жажды и невероятной усталости сами бросались в воду с облепленных людьми вант бизань-мачты¹, которая на долгие часы оставалась последней частью корабля над поверхностью моря. Судно больше суток продержалось в таком положении из-за множества пустых бочек в трюме. Если бы их там не было, в ту ночь погибли бы все девятьсот человек.

¹ Бизань-мачта (нидерл. *bezaansmast*) — кормовая мачта на многомачтовых парусниках.

Очевидцы рассказывали, как волнами, бьющими уже через палубу, сорвало с креплений и бросило на шканцы¹ баркас, который сразу убил несколько десятков человек. Десятилетняя дочь полковника Борисова, отдаленно знакомого Невельскому по встречам в Морском министерстве, при попытке перехода на корму запуталась длинной косой в железной уключине разбитого баркаса и в считанные минуты была измочалена о палубные надстройки и рангоут². Говорили, что она сильно кричала, а тех, кто пытался ее спасти, разлетавшимся во все стороны рангоутом кромсало на части, как гильотиной.

Вспомнив об участии бедной девочки, Невельской склонил голову и сдавил пальцами виски. На сцене к этому моменту все уже складывалось благополучно. Какую-то женщину со злодейской наружностью, строившую до этого все главные козни, наконец поймали и привели на покаяние к тем, кто раньше был в цепях.

Невельской снова оглядел притихший театр и представил, как его, словно огромный трюм, наполняет вдруг хлынувшая во все двери ледяная забортная вода: театр, тяжело заскрипев, накреняется, из лож начинают выпадать цепляющиеся за перила любители оперы, дамы в раздувшихся кринолинах до поры до времени всплывают на них, как на поплавках, но уже через несколько минут бесчисленные юбки их промокают и неумолимо тянут вниз — туда, где скрылись под густой темной толщей кресла партера. Мужчины еще умудряются некоторое время держаться на плаву,

¹ Шканцы (*нидерл. schans*) — самый верхний помост или палуба в кормовой части парусного судна, где находились вахтенные офицеры. Шканцы считались почетным местом на корабле: там зачитывались перед строем манифесты, приказы, приговоры.

² Рангоут (от *нидерл. rondhout*, букв. — «круглое дерево») — предметы парусного вооружения кораблей — мачты, стеньги, реи, гафель и др. Предназначен для постановки и несения парусов (флагов, сигналов и др).

однако лепной потолок со сверкающей люстрой все ближе, воздуха все меньше, и, наконец, театр, потерявший остойчивость, переворачивается килем вверх, и с кресел, оказавшихся теперь наверху, на головы тех, кто сумел вынырнуть, низвергаются тонны воды и десятками валяются трупы захлебнувшихся в первые мгновения на своих местах.

К терпящему бедствие линейному кораблю тогда подошел бриг под английским флагом. Несчастные подумали, что спасение рядом, но британец развернулся и ушел прочь. У английского капитана было свое представление о морской чести.

Старые матросы говорили потом, что крушение послужило наказанием командиру Трескину за излишнюю жестокость. За годы своей службы он нехорошо прославился по всему Балтийскому флоту истязаниями нижних чинов. Однако при чем здесь десятилетняя девочка и остальные четыреста человек, суеверные матросы не уточняли. Сам капитан первого ранга Трескин и его жена остались после того крушения живы.

Невельской задумался о наказанных им лично подчиненных. Выходило, что только в этот поход он распорядился как минимум о семи экзекуциях. В результате одной из них матроса лечили потом четыре дня. Пытаясь припомнить его имя, он понял, что не помнит даже провинности. Судя по всему, это было что-то не очень значительное, скорее всего символическое — вроде плевок на палубу или случайного заступа на правые шканцы. Вспомнить точнее он так и не смог. Нижние чины, как и крепостные в имении матери, были для него не совсем люди. Во время отпуска в Дракино перед присвоением первого офицерского чина он искренне удивился, узнав о любовных страданиях дворовой девушки. До этого он был абсолютно уверен, что дворовые могут испытывать лишь голод, жажду,

потребность что-то украсть и нужду в отправлениях физиологии. Сенная же девка его матери в ту снежную зиму 1836 года реально и вполне ощутимо страдала, влюбившись в кого-то, словно она была настоящей, сотканный из обычных чувств и переживаний человек.

О смерти этой утопившейся в проруби девушки Невельской еще целый год потом время от времени размышлял, пытаюсь уяснить для себя как природу страдания, так и открываемые этим страданием врата смерти, и все никак не мог примириться с мыслью о конечности своего собственного бытия, пока не узнал поближе служившего рядом с ним на флагманском фрегате «Беллона» боцмана по фамилии Андрюшкин. Несмотря на самое что ни на есть мужицкое происхождение, боцман отличался ясно выраженной склонностью к философии. Книг при этом он никаких не читал — и не то что с философскими, но даже и с бульварными романами наподобие «Прекрасной Шарлотты, страшной атаманши» замечен никогда не был. Свою концепцию жизни и смерти он выработал исключительно сам.

В оркестре неожиданно заколотили в литавры, и Невельской вышел из глубокой задумчивости. Кресло великого князя рядом с ним пустовало. Даже не успев удивиться, он машинально поднялся со своего места и завертел головой. Константин, бормоча извинения и убирая в карман лорнет, пробирался к выходу метрах уже в десяти от него. Невельской тут же двинулся следом. Параллельным курсом, но значительно ближе к двери прокладывала себе путь через кринолины и раздраженные возгласы амазонка в старомодном платье. Великий князь явно спешил за ней. На сцене тем временем толпа орущих людей принуждала злодейку выпить яд из огромного, как ведро, кубка.

Раз или два Невельской наступил кому-то на ногу, кто-то в ответ ощутимо его толкнул, однако он упрямо не сбавлял

шаг. Отпустить императорского сына одного в чужой столице было нельзя. Это исключалось абсолютно. Возвращение на корабль без Константина было равносильно потере «Ингерманланда» и обоих корветов, вместе взятых. Весь русский отряд, около полутора тысяч матросов, мичманов и офицеров, без этого юноши не имел ни малейшего смысла. Их всех собрали и отправили в Средиземное море только ради него одного. Здесь, в Лиссабоне, он сейчас, собственно, и был Россия. Даже это посещение театра вдвоем да еще совершенно инкогнито уже являлось крупным нарушением всех приказов вице-адмирала Литке и протоколов об официальном приеме членов российского императорского дома португальским двором. Однако великому князю приспичило в оперу. И непременно так, чтобы ни на корабле, ни в Лиссабонском правительстве никто об этом не знал.

— Тоже мне, Гарун аль-Рашид... — бормотал себе под нос Невельской, сражаясь изо всех сил на выходе из зала с тяжелой портьерой, в которой он запутался и все никак не мог нащупать за ней дверь. — Да что же это такое!..

Пробежав через пустынное фойе, где звонким эхом отдавались только его шаги, Невельской выскочил из театра под арочные своды балкона. Небольшая, плохо освещенная площадь раскрылась перед ним как ладонь — вокруг ни души. Укрыться здесь было просто-напросто негде. По периметру довольно тесно стояли четырехэтажные дома. Слева от замершего в арке Невельского куда-то наверх уходила каменная лестница. Там, очевидно, был променад, засаженный деревьями и цветами. Именно оттуда растекались по всей площади волны такого благоухания, что морской офицер, привычный лишь к запаху просоленной насквозь древесины, в ошеломлении на секунду замер. Когда они с великим князем вечером входили в театр, эти южные ароматы не были так сильны, однако потом, судя по

всему, обильно прошел дождь, и душная в местных широтах весенняя ночь теперь была пропитана благовониями сильнее, чем кринолины у дам в театре. Со стороны недалекой отсюда гавани долетал родной запах моря.

По правую руку от Невельского на площадь выходила неширокая аллея, куда Константин вполне мог последовать за приманившей его амазонкой, однако сейчас аллея была тесно заставлена экипажами, ожидавшими конца представления. Сделав несколько шагов по залитым водой плитам в сторону небольшого квадратного водоема посреди площади, Невельской в нерешительности замер, потом обернулся и зачем-то посмотрел на балкон над входом в театр, как будто исчезнувший юноша мог в считанные секунды забраться туда вслед за дикой беглянкой. Разумеется, там никого не оказалось, если только великий князь со своей шалуньей не решили спрятаться от Невельского, присев за массивную балюстраду. В темноте позади пузатых балясин их действительно трудно было бы разглядеть.

Понимая, что этого ни в коем случае не может быть и что поступает он так из одного лишь отчаяния, Невельской тем не менее взбежал по каменной лестнице на променад, чтобы оттуда взглянуть на балкон, и, естественно, никого там не увидел. На самом променаде среди бесчисленных платанов и клумб в этот час тоже не было ни единой живой души. Черные квадратные плиты внизу маслянисто блестели, отражая газовые огоньки двух фонарей. Все было неподвижно на этой площади, как в склепе.

Внезапно один из экипажей, стоявших в боковой аллее, тронулся с места. Мерно и звонко стуча подковами по камню, лошади вывезли изящную карету с большими окнами на площадь перед театром. Черная вода под колесами ожила и запестрила десятками раздробленных огоньков. Невельской сломя голову бросился по лестнице вниз.

Выбежав на мокрые плиты, он через несколько шагов поскользнулся, но привычка держать равновесие во время качки даже на мокрой палубе выручила его. С раскинутыми в стороны руками, словно собираясь лететь, он скользнул по плитам, как по льду, и вскочил на запятки. В экипаже никого не было. Заглянув туда через оконце в задней стенке кареты, разочарованный Невельской спрыгнул на влажную брусчатку, начинавшуюся у самой кромки театральной площади. Нога его попала в расщелину между двумя крупными камнями, подвернулась, и он неловко упал набок, сильно ударившись при этом локтем.

Расколотый кусок гранита, который подвел русского моряка, десятки тысяч лет назад был раскаленной базальтовой магмой, выходявшей на поверхность в районе современного Порту. Магма затем кристаллизовалась, минералы в ней обогатились кремнием, калием, натрием, и в итоге получились великолепные гранитные скалы. Они спокойно и величаво стояли на севере Португалии до тех самых пор, пока счастливому королю Мануэлу I не осточертела непролазная грязь на улицах его города, и он издал указ о том, чтобы каждый приезжающий в Лиссабон со стороны Порту привозил с собой по хорошему куску гранита. Те, кто не удосужился прихватить по дороге камень, платили в городскую казну штраф. На эти деньги были наняты каменотесы, замостившие первые улицы брусчаткой. В числе нанятых рабочих был и тот, который занимался мостовой между нынешним театром Сан-Карлуш и гаванью. Накануне дня рождения короля он очень спешил, потому что именно по его участку должны были провести носорога, подаренного короне великим Афонсу ди Албукерки. Ни одна капля грязи из-под тяжелых ног заморского чудища не должна была оскорбить короля. Спешка и бесконечные понукания привели к тому, что один из кусков гранита раскололся от удара гигантским молотком.

Невезучий работяга был изгнан, не получив ни реала в уплату за труд и не увидев «единорога», о котором судачил весь город, а русский офицер, неудачно прыгнувший с запяток пустого экипажа лет через триста после носорожьего представления, угодил правой ногой в эту самую трещину.

Если бы всего этого не случилось, история России, Европы и — как следствие — всего остального мира пошла бы иным путем, нежели тот, который определился в середине девятнадцатого столетия. Неловкое падение лейтенанта Российского императорского флота на лиссабонскую брусчатку поздним апрельским вечером 1846 года имело самые серьезные последствия. Если бы Невельскому удалось устоять на ногах, Америка, могло стать, не получила бы своих северо-западных территорий или получила бы их значительно позже — и тогда не было бы никаких «Золотых лихорадок» ни на Клондайке, ни на Аляске, что в свою очередь не привело бы к стремительному развитию этого региона и заметному усилению американского военного присутствия в северной части Восточного океана. В России в 1861 году, возможно, не было бы отменено крепостное право, а Дальний Восток — от китайской границы на юге до Охотска на севере — оказался бы под контролем Британской Ост-Индской компании на тех же приблизительно основаниях, что Гонконг и Сингапур. На географических картах не появились бы ни Владивосток, ни Хабаровск. Дальневосточная пушнина, золото и сахалинский уголь окончательно бы утвердили за Британией статус мирового экономического лидера, и тогда двадцатый век, очевидно, тоже складывался бы по-другому.

Но Невельской из-за куска отколотого гранита устоять на ногах не сумел, в силу чего беззаботный сын Николая I в итоге остался жив, приняв потом самое деятельное участие в передаче Аляски Северо-Американским Соединенным Штатам, в реформе, отменившей крепостное право,

а также косвенным образом — то есть самим фактом, что спас его в эту ночь именно лейтенант Невельской — в освоении русского Дальнего Востока. Хорошо это или же плохо — судить не людям. Человеческое суждение затуманено помехами корысти, тщеславия и неизбежного страха перед краткостью жизни. Все сложилось именно так, как сложилось и как, очевидно, должно было сложиться.

Упавший на брусчатку Невельской зашипел от боли, схватился за ногу и поднялся с мостовой далеко не сразу. Этого времени хватило на то, чтобы экипаж, удалявшийся от него в сторону гавани, докатился до расположенного приблизительно в сотне метров арочного проема и остановился рядом с ним. Из темноты арки к двери кареты скользнула закутанная в салоп женская фигурка. Несмотря на довольно бесформенную верхнюю одежду, Невельской уверенно определил в ней ту самую незнакомку, за которой увязался Константин. Под салопом не топорщились кринолины. Ткань свободно ниспадала вниз по фигуре. Единственной дамой без кринолинов, встреченной Невельским в этот день в Лиссабоне, была берберская амазонка из театра. Если бы он спрыгнул удачней и сразу ушел с этого места, она уехала бы незаметно.

Превозмогая боль в подвернутой ноге, лейтенант поднялся с брусчатки и похромал, как мог торопливо, в сторону арки, от которой уже отъехал увозивший искусительницу экипаж. В глухом и очень темном дворе Невельской остановился. В какую из дверей мог войти великий князь, было неясно.

— Константин Николаевич, — негромко на всякий случай позвал он. — Ваше Императорское...

От огромного дерева в глубине двора отлепилась человеческая фигура.

— Геннадий Иванович? А вы что здесь делаете? Возвращайтесь на корабль. Я позже приеду.

— Слава Богу... — выдохнул Невельской, но тут же пошатнулся.

— Что с вами? — Константин схватил его за руку.

— Ничего, пустяки... Вы должны немедленно уйти отсюда.

— Нет, нет... — Великий князь замотал головой и отступил обратно под прикрытие дерева, словно хотел спрятаться там от надоедливого наставника. — Я не могу. Мне сейчас дверь откроют.

— Какую дверь, Константин Николаевич? Нет никакой двери.

— Вот эту! — настаивал юноша, указывая на обложенный грубым камнем дверной проем. — Она сказала, что войдет через парадное и откроет мне черный ход. Чтобы отец не увидел.

Невельской шагнул под сень дерева. Лица своего подопечного он не видел, но слышал его взволнованное дыхание.

— Никуда не пойду, Геннадий Иванович. Даже не просите.

— Она не откроет.

Юноша затаился.

— Вы почему знаете?

— Она уехала. На улице ее ждал экипаж.

Великий князь помолчал, но потом все же решил удостовериться:

— Вы правду мне говорите?.. Или Федора Петровича опасаетесь?

— Опасаюсь. Но она уехала. Я сам только что видел. Надо уходить отсюда без промедления.

За спиной у него послышались шаги нескольких человек. В арку с улицы входили весьма решительные, судя по звукам, мужчины.

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1 глава	7
2 глава	21
3 глава	38
4 глава	52
5 глава	79
6 глава	96
7 глава	116
8 глава	133
9 глава	146
10 глава	159
11 глава	175
12 глава	183

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1 глава	197
2 глава	206
3 глава	212
4 глава	229
5 глава	252
6 глава	273
7 глава	287
8 глава	293
9 глава	312

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1 глава	321
2 глава	345
3 глава	355
4 глава	364
5 глава	375
6 глава	380
7 глава	392
8 глава	403

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1 глава	423
2 глава	433
3 глава	443
4 глава	452
5 глава	461
6 глава	472
7 глава	479
8 глава	489
ЭПИЛОГ	499